

Е. Д. Кислицына
(научн. руководитель *А. М. Меньщикова*)
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

«Автобиографические наброски» в Записных книжках Анны Ахматовой

Аннотация: в статье рассмотрены наброски автобиографического характера Анны Ахматовой, которые сохранились на страницах Записных книжек поэта.

В работе представлена попытка систематизации: нами было выделено три группы, которые имеют отношение к записям автобиографического характера (автобиографические записи о себе, записи мемуарного характера о современниках, а также рассуждения Ахматовой о своем творчестве). В результате анализа мы приходим к выводу о некоторых особенностях мемуарных трудов поэта, а также говорим о важности памяти в личностном и творческом аспектах.

Ключевые слова: Ахматова, Записные книжки, автобиографизм, мемуарная проза.

Анна Ахматова несколько раз бралась за написание собственной биографии, о чем свидетельствуют сохранившиеся записи. Так, например, она говорит: «Биографию я принималась писать несколько раз, но, как говорится, с переменным успехом» [Собр. соч. Ахматова: 161]. Первая попытка осмысления фактов из собственной жизни была предпринята поэтом еще в 1901 году: «В первый раз я стала писать свою биографию, когда мне было 11 лет, в разлинованной красным маминой книжке для записывания хозяйственных расходов» [Ахматова 2011: 22].

Второй вариант записей, о котором известно современным исследователям со слов Анны Ахматовой, имеющий отношение к автобиографии, создавался еще до 1946 года, но и он был позже утрачен и уничтожен вместе со всем личным архивом Анны Ахматовой. Как позже вспоминала сама Ахматова, единственным читателем рукописи «оказался следователь, который пришел арестовать моего сына, а заодно и сделал обыск в моей комнате (6 ноября 1946). На другой день я сожгла рукопись вместе со всем моим архивом» [Собр. соч. Ахматова: 161].

Последние известные материалы, которые сохранили и отразили в своем содержании автобиографические элементы, создавались поэтом уже преимущественно в пространстве Записных книжек.

Записные книжки велись поэтом с 1958 года по 1966, то есть уже после освобождения Льва Гумилева из заключения, а первый и единственный раз были опубликованы лишь спустя тридцать лет после смерти Анны Ахматовой, в 1996 году в Москве итальянским издательством *giulio einaudi editore*.

В настоящее время отсутствует академическая биография Анны Ахматовой, которая бы учитывала весь жизненный и библиографический путь поэта. Назовем некоторые из наиболее известных и авторитетных работ:

В 1991 году впервые на русском языке вышла книга Аманды Хейт «Анна Ахматова. Поэтическое странствие», в предисловии Анатолий Найман написал, что «жанр этой книги – биография, скорее научно-фантастическая, чем художественная» [Найман 1999: 9]. Данный вариант биографии Анны Ахматовой важен прежде всего потому, что работа над ним велась параллельно с диалогом Хейт и Анны Ахматовой, то есть она имела возможность видеть то, что создавалось. И именно Аманде Хейт было суждено стать тем человеком, который, как сказал Найман, «передаст их беседе “читателю в потомстве”» [Найман 1999: 9].

А также труд В. А. Черных «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой». Первое издание публиковалось с 1996 года по 2003 отдельными книгами, но пятая часть, которая должна была охватывать последнее десятилетие жизни Ахматовой, опубликована не была. Второе издание было расширено благодаря неизвестным ранее воспоминаниям, письмам и

архивным данным, оно вышло в 2008 году одной книгой. Но как в предисловии написал сам В. А. Черных, «летопись жизни и творчества Анны Ахматовой призвана заложить надежную основу для будущей научной биографии одного из крупнейших русских поэтов XX столетия» [Черных: 5]. Такое суждение связано с тем, что данный труд прежде всего является хроникой, но не целостным текстом, в котором бы осмыслялся образ судьбы поэта.

Одна из ключевых особенностей самого жанра записных книжек – это фрагментарность, из-за чего наброски мемуарно-автобиографической прозы разрознены по пространству двадцати трех книжек. Именно поэтому необходимо оговорить, что мы рассматриваем три группы записей, из которых можно выделить автобиографическую прозу Анны Ахматовой в пространстве ее книжек:

Во-первых, это, безусловно, автобиографические записи о себе самой в разные периоды жизни. Так, например, Ахматова пишет о событиях 1910 года: «25 апр<еля> 1910 я вышла замуж за Н. С. Гумилева и вернулась после [пятимесячного] пятилетнего отсутствия в Ц<арское> С<ело> (см. стих<отворение> “Первое возвращение”)» [Записные книжки: 82]. Далее следует ряд воспоминаний о слухах, которые ходили вокруг отношения Гумилева к творчеству Ахматовой и его влиянию на ахматовское поэтическое наследие, а также опровержение всего, что было описано выше: «Стихи я писала с 11 лет совершенно независимо от Николая Степановича, пока они были плохи, он, со свойственной ему неподкупностью и прямоотой, говорил мне это» [Записные книжки: 82].

Во-вторых, это записи мемуарного характера, в которых отображаются воспоминания Анны Ахматовой о ее современниках. Например, Ахматова достаточно большое внимание уделяет записям о М. Л. Лозинском, несмотря на то, что воспоминания о переводчике были перенесены на магнитофонную запись, чтобы в последующем передать их на Ленинградское радио («В прошлогодней телевизионной передаче (кот<орую> все же имеет смысл найти) я вспомнила много мелочей о Лоз<инском>, кот<отрые> не следует забывать» [Записные книжки: 703]), аудиоверсии были «доработаны уже в больнице за месяц до смерти Ахматовой, став еще одним образцом ее прекрасной мемуарной прозы» [Ахматова 2011: 10]. В Записных книжках Ахматовой параллельно с биографическими фактами из жизни переводчика упоминается и его сильный характер: «О его гражданском мужестве Лозинского знали все вокруг, но когда на собрании (1950) правления [, когда] при восстановл<ении> меня в союзе ему было поручено сказать речь, все вздрогнули, когда он [очень смело] припомнил слова Ломоносова о том, что скорее можно отставить Академию от него, чем наоборот» [Записные книжки: 705]. Стоит выделить тот факт, что помимо биографии самого М. Л. Лозинского в данном отрывке мы можем увидеть фрагментарную автобиографичность самой Ахматовой, что является отличительной чертой ее мемуарной прозы (делается акцент на важном событии из собственной биографии, а именно на восстановлении в Союзе писателей, из которого Ахматову и Зощенко исключили в 1946 году). Данная идея была так же актуальна и для записей о себе, потому что в них Анна Ахматова часто могла упоминать и современников.

В-третьих, мы считаем, что сюда следует отнести и рассуждения Ахматовой о собственном творчестве. Данная группа подкрепляется также словами Н. И. Крайневой: «К мемуарной прозе как нельзя точнее применимо ее собственное высказывание: “Из стихов может возникнуть нужная нам проза, которая вернет нам стихи обновленными”» [Ахматова 2011: 10]. Данная мысль расширяет и актуализирует необходимость в изучении автобиографической прозы поэта, ведь она является неотъемлемым ключом к тому самому «обновлению» творческого наследия Анны Ахматовой. Так, например, в одном из черновиков письма для эстонского поэта и литературоведа Раннита, которое сохранилось в Записных книжках, Ахматова раскрывает ему некоторые факты из своей биографии и связывает их со своим творческим наследием: «Тридцать пять лет я прожила в одном из самых замечательных петербургских дворцов (Фонтанный Дом Шереметевых), о чем Вы тоже знаете из моих стихов, и радовалась совершенству пропорций этого здания 18 века» [Записные книжки: 264].

Таким образом, мы можем говорить о том, что необходимо рассматривать в одном контексте мемуарные и автобиографические наброски Анны Ахматовой в пространстве Записных книжек поэта. Воспоминания (в любом их оформлении) находятся в неразрывной связи, дополняют и уточняют друг друга, а впоследствии дают основу для верной интерпретации и творческого и биографического наследия поэта.

Итак, характерной чертой мемуарно-автобиографической прозы Анны Ахматовой является обрывочность. На наш взгляд, такая манера повествования может быть обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами.

Прежде всего, такое явление можно обосновать личностным отношением Ахматовой к мемуарным трудам в целом. По мнению поэта: «Всякая попытка связных мемуаров – это фальшивка. Ни одна человеческая память не устроена так, чтобы помнить все подряд». Ахматова сравнивает человеческую память с прожектором, который «освещает отдельные моменты, оставляя вокруг непреодолимый мрак», а также называет это явление «вспышками памяти» [Ахматова 2011: 21]. Можно говорить о том, что такое трепетное отношение Ахматовой к правдоподобности и правдивости мемуаров распространяется и на все воспоминания поэта.

Похожее по смыслу сравнение о принципах работы эффекта памяти вводит В. Н. Топоров в статье «Об историзме Ахматовой». Он пишет о дроблении воспоминаний, а также сравнивает их появление и работу с волной: «И воспоминания эти идут не последовательно и не целостно, а набегают друг на друга острой и жгучей волной, из которой сверкнет: то давно забытые глаза, то облако на весеннем небе, то чье-то голубое платье, то голос чужого вам прохожего» [Топоров: 272].

Именно стремлением к сохранению достоверности обусловлены многочисленные пассажи о современниках себе самой. Для Ахматовой при написании воспоминаний и автобиографических очерков прежде всего важна их достоверность: «я ручаюсь за их правдивость, потому что не прибегаю к обычному приему мемуаристов, которые пытаются заполнить “черные бездны беспамятства” чем попало» [Записные книжки: 497]. Именно поэтому в записях, которые, например, посвящены современникам, в основном присутствуют отрывки пересказанных диалогов, а не прямое цитирование, к которому Ахматова относилась крайне негативно, из-за такой манеры письма воспоминания могут на первый взгляд казаться обрывочными, а также не оконченными. Например, когда Ахматова вспоминает разговор с Пастернаком о Гумилеве и влиянии на поэта Анненского, она пишет: «К сожалению, я не помню точно его слова – а импровизировать чужие речи никогда не буду» [Записные книжки: 282].

Прежде всего необходимость этих очерков была связана с ошибочными сведениями и домыслами, которые касались непосредственно биографии Анны Ахматовой как на родине, так и за границей. Об их существовании Ахматова также сообщает в одном из писем Ранниту: «Трудно понять, зачем кому-то понадобилось тревожить мой прах и сообщать бредовые легенды о моем пребывании в Париже в 1938 г. На Западе [я] после 1912 г. я не была, а в 1938 г. дальше Москвы не ездила» [Записные книжки 1996: 151], а к ложной интерпретации жизни она относилась категорично, о чем свидетельствуют заметки о Гумилеве: «Иначе при первом прикосновении к биографии Гумилева живых рук все мгновенно превратится в кучу зловонного мусора» [Записные книжки: 625].

В пространстве Записных книжек Ахматова сформулировала миссию, в соответствии с которой она фиксирует свои воспоминания: «Пора научиться отличать маразмический (Мако) и злопыхательский (Неведомская) бред от добросовестной работы памяти. По обстоятельствам XX в. огромное количество людей остались совершенно без архивов и прекрасно научились без них обходиться. Еще Руссо говорил: “Я лгу только там, где не помню”» [Записные книжки: 727–728]. Анна Ахматова была последним ярким представителем Серебряного века, поэтому, в отличие от многих других творцов того поколения, у нее была возможность восстановить и зафиксировать то, что ранее было утрачено.

Через ряд памятных записей Ахматова опровергает одновременно мифы, которые непосредственно касаются ее самой. В Записных книжках есть целый ряд воспоминаний-рассуждений, который направлен на разрушение слухов о романе Ахматовой и Блока: «Вторая “легенда”, с которой я прошу моих читателей распрощаться навсегда, относится к моему так называемому “роману” с Блоком. Уже одно опубликование архива А. А. Блока должно было прекратить эти слухи. Однако так не случилось» [Записные книжки: 80]. Опровержение ложных фактов происходит через ряд воспоминаний разных лет, обращению к записным книжкам и письмам Блока. Например, Ахматова пишет о случайной встрече с поэтом в поезде летом 1914 года, после чего отсылает на это же воспоминание, но уже в Записных книжках Блока, а весь этот последовательный ряд рассуждений заканчивается довольно ироничной подписью: «Отрывок из книги, которая могла бы называться “Как у меня не было романа с Блоком”» [Записные книжки: 670].

Ахматова берет на себя миссию по созданию и сохранению посмертной репутации современников. Например, в пространстве Записных книжек сохранилась запись поэта о ее вкладе в создание биографии переводчика М. Л. Лозинского: «Я горда тем, что на мою долю выпала высокая честь принести и мою лепту памяти этого неповторимого, изумительного человека» [Записные книжки: 600].

Таким образом, мы можем говорить о том, что даже в автобиографических набросках, которые остались в Записных книжках Анны Ахматовой, проявляется отношение и личностное восприятие поэтом принципов работы памяти, которая является неотъемлемой и обязательной частью при работе с собственными воспоминаниями. Здесь проявляется индивидуальная особенность понимания и ощущения времени, пространства и памяти. Автобиография не может быть написана связанным текстом от рождения до смерти, в ней должны быть пробелы и упущения.

Ахматова ведет эти записи прежде всего для себя самой, она воссоздает цепочку воспоминаний, что является одним из важнейших элементов не только для творческого процесса позднего периода жизни поэта, но и важным для самой личности: «Чем больше я пишу, тем больше вспоминаю. Какие-то дальние поездки на извозчике, когда дождь уютно барабанит по поднятому верху пролетки и запах моих духов (Avia) сливается с запахом мокрой кожи, и вагон царскосельской ж<елезной> д<ороги> (это целый мир), и собрания Цеха, когда М<ихаил> Л<еонидович > говорил своим незабываем голосом» [Записные книжки: 705].

Для поэта важен именно сам факт фиксации воспоминаний, во-первых, потому что записи позволяют сохранить и передать будущим поколениям воспоминания об эпохе и окружении, даже после смерти поэта. Во-вторых, это самый надежный способ не забыть: «Я отчетливо помню то собрание Цеха (осень 1911, у нас, в Царском), когда было решено отмежеваться от символистов <...> Меня, всегда отличавшуюся хорошей памятью, просили запомнить этот день. (Записать никому не приходило в голову)» (именно память является важнейшей составляющей поздней ахматовской поэзии) [Записные книжки: 746].

Мемуарно-автобиографические наброски, которые в разрознены по всему пространству Записных книжек, доказывают тот факт, что память является одним из важнейших ценностных понятий для Ахматовой. Она частично сформулировала миссию, в соответствии с которой переносит свои воспоминания в рукописи: «Пора научиться отличать маразмический (Мако) и злопыхательский (Нев<едомская>) бред от добросовестной работы памяти. По обстоятельствам XX в. огромное количество людей остались совершенно без архивов и прекрасно научились без них обходиться. Еще Руссо говорил: “Я лгу только там, где не помню”» [Записные книжки: 727–728]. Анна Ахматова была последним ярким представителем Серебряного века, поэтому, в отличие от многих других творцов того поколения, у нее была возможность восстановить и зафиксировать то, что ранее было утрачено, и именно память становится для поэта своего рода хранилищем, которое помогает соединить прошлое с настоящим, перенести в будущее и побороть силу времени и смерти.

Литература

Ахматова, А. А. Собр. соч.: в 6 т. / А. А. Ахматова; [сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Королевой]. М. : Эллис Лак, 1998–2005. Т. 5. 800 с.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост., подгот. текста К. Н. Суворова. – Москва – Torino : Российский государственный архив литературы и искусства на русском языке, Giulio Einaudi editore s.p.a., 1996. 850 с.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство-СПб, 2003. 617 с.

Хейт. А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма. М. : Радуга, 1991. 432 с.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М. : Индрик, изд. второе, испр. и доп. 2008. 768 с.

Kislitsyna E. D. “Autobiographical sketches” in Anna Akhmatova's Notebooks

Abstract: the report will consider sketches of Anna Akhmatova's autobiographical character, which have been preserved on the pages of the poet's Notebooks.

The paper presents an attempt at systematization: we have identified three groups that are related to autobiographical records (autobiographical records about oneself, memoir records about contemporaries, as well as Akhmatova's reasoning about her work). As a result of the analysis, we come to the conclusion about some features of the poet's memoir works, and also talk about the importance of memory in personal and creative aspects.

Keywords: Akhmatova, Notebooks, autobiography, memoir prose.

А. А. Сибигагулина

(научн. руководитель Ю. В. Матвеева)

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

Автобиография З. А. Шаховской «Таков мой век»: авторское восприятие истории

Аннотация: автобиографическая проза З. А. Шаховской отображает историко-культурные события XX века. Авторская позиция «свидетеля» и «участника» исторического прошлого русского зарубежья свойственна мемуарной книге Шаховской «Отражения». Эта же позиция «свидетеля» и «участника» реализовалась в полную силу в автобиографической тетралогии «Таков мой век», где в четырех книгах автор повествует одновременно о личной судьбе на фоне большой истории. К событиям «большой истории» относятся: Гражданской войны в России, эвакуация в Турцию, жизнь Европы межвоенного периода, Вторая мировая, Нюрнбергский процесс, послевоенная реальность. В нашем исследовании предлагается попытка рассмотреть во всех четырех книгах тетралогии органичное для Шаховской единство сюжета личной жизни и жизни социально-исторической, политической и культурной.

Ключевые слова: З. А. Шаховская, мемуары, автобиографии русского зарубежья, тетралогия «Таков мой век», восприятие истории.

Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001) – писательница Русского Зарубежья, журналист и многолетний редактор газеты «Русская мысль» (1968–1978). В двенадцатилетнем возрасте она уехала из России, прожила долгую жизнь в Европе и превратилась во франкоязычную писательницу, о чем свидетельствует внушительный список ее литературных произведений, написанных по-французски и опубликованных под псевдонимом Жак Круазе (Jacques Croisé). Воспоминания «Таков мой век» тоже писались и